

БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ МАЛЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

О.Ю. МАМЕДОВ

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Так уж сложилась судьба экономической теории, что, будучи погруженной в производство, она отделилась от своей главной сферы — сферы социально-экономических процессов. Место «родных братьев» экономистов — историков, социологов, политологов, — с удовольствием заняли эмпирики: математики, технологи, прикладники, которые сразу же стали наводить свои порядки, вводить свою, неэкономическую, методику и прививать нелюбовь к теории и методологии.

Ключевые слова: малые экономические институты; организация и разделение труда; экономика гражданского общества.

Abstract: Today, economics is plunged into the problems of production. But its main sphere — the sphere of socio — economic processes. The article considers the specificity of small economic institutions.

Keywords: Small economic institutions; organization and division of labor; economy of civil society.

«Производственно-технократическая» девиация экономической науки спровоцировала возникновение нарочито альтернативной этому отклонению особой междисциплинарной науки — «экономической социологии»¹. Другим инструментом возрождения социальной природы экономической науки является *институционализм*, поскольку исследование природы, специфики и перспектив экономических институтов может иметь только социальный характер.

Между экономической социологией и институционализмом гораздо больше общего, чем может показаться, так как они практически сливаются в единое противостояние засилью в экономической науке эмпириков и схоластов.

Однако есть в экономике сектор, который равно ускользает и от экономической социологии, и от институционализма. Мы имеем в виду совокупность так называемых «малых экономических институтов», уникальность которых не снимает необходимости их научного анализа.

Оркестр: дирижер и его команда

Коллектив профессиональных музыкантов, управляемых дирижером, организован не менее сложно, чем те коллективы, структура которых уже «до дыр» протерта неослабным вниманием прикладных экономистов — кооперативов и корпораций. Между тем анализ экономической организации хотя бы того же музыкального оркестра способен открыть такие тонкости, которые никогда не будут уловлены слухом экономистов-прикладников, оглохших от ударов парового молота на любимом ими производстве.

Что же может увидеть социэкономист, сидя в концертном зале?

¹ Аналогичные пограничные интеграции представляют «экономическая история» — союз теоретической истории и теоретической экономики, «экономико-математические исследования» — союз математического анализа с теоретической экономикой, «экономическая демография» — союз теоретической экономики и теории народонаселения, и другие виды подобного интеллектуального синтеза. Мы настаиваем на определении «союза», так как без союзного смысла мы рискуем вместо того, чтобы получить полноценную «экономическую историю», разом потерять — и экономику, и историю, и т.д.

Музыкальный оркестр — локальная жестко директивная организация, управляемая административным богом — ДИРИЖЕРОМ, находящимся на недостижимой для рядовых музыкантов высоте.

На этой высоте он драматически одинок.

Он — тиран, диктатор, демиург.

Он сам выстраивает особые, единичные отношения с *каждым* музыкантом *в отдельности*.

«Дирижерский» оркестр — *самый централизованный* сегодня из всех локальных социальных институтов, который пришел на смену — вы не поверите — *самому демократическому* институту, каковым являлся музыкальный оркестр до середины XX века, поскольку тогда дирижера просто... не было².

В этом соревновании двух форм экономической организации оркестра — демократической («бездирижерной») и авторитарной («дирижерной») — победила авторитарная. Увы, но это — факт.

Социальная организация оркестра имеет земную, производственную основу — она структурируется разделением труда между группами музыкантов, играющих на одинаковых инструментах. Среди них выделяются — «аристократы» (это, в первую очередь, скрипачи³), «работяги» (духовики), «индивидуалы» (ударники, контрабасист, виолончелист, арфист, ксилофонист).

Дирижер — хотя и мелкий, а все равно — монарх: чем ближе к нему музыкант, тем выше его «внутриоркестровый» статус.

Престиж каждого в музыкальном оркестре не сводится к экономическому фактору («зарплата»), — в мире искусства критерии значимости музыканта жестко смещаются в сферу его профессиональной компетенции, к тому, что отсутствует и вообще не может быть например в конвейерном или массово-интеллектуальном производстве.

Более того музыкант обычно «многостаночник» — он владеет несколькими инструментами (как правило, это — «духовики», играющие на флейтах, саксофонах, кларнете, а то и гобое; «трубачи» владеют и валторной, и тромбоном); и только контрабасист никогда не изменяет своей громадной «скрипке», одиноко и стоекски возвышаясь на протяжении всего выступления во весь свой рост над сидящими музыкантами.

Да, оркестр — малый экономический институт, но с огромными социальными страстями его участников! Уникальность организации и превращает его в объект наноэкономического анализа. Особенность такого анализа — собственническая специфика оркестра: каждый музыкант является собственником своих «средств производства», т. е. музыкальных инструментов. Такое мало где увидишь, разве что в электронном бизнесе, где каждый участник имеет в личной (частной?) собственный компьютер.

Вагон-ресторан: шеф-повар и его команда

Локальный экономический институт «на колесах» — коллектив вагона-ресторана. Здесь на место одухотворенного тонкого дирижера с трудом взбирается толстенький плутоватый «шеф-повар», всесильный царек, власть которого сравнима разве что с властью капитана на судне, — ведь работники «кочующего» ресторана также замкнуты в специфических пространственно-временных границах, очерченных данным вагоном. И выскочить из него в течение всей поездки невозможно.

Коллектив вагона-ресторана — прямой антагонист музыкального оркестра: здесь мирятся с тем, с чем никогда бы не смирился музыкант. Имя «миротворца» — живые большие деньги, возможность заработать и продержаться семьей, такой заработок, которого работникам вагона-ресторана больше нигде не удастся заработать.

Если в оркестре мало кто мечтает стать дирижером, то в вагоне-ресторане все уверены — если повезет, то можно и в короткое время самому занять место шеф-повара.

Интересный момент: численность работников вагона-ресторана гораздо меньше, чем музыкантов в симфоническом оркестре, а вот социальный диапазон — гораздо протяженнее: здесь «разносчика», везущего на тележке по вагонам воду, печенье, шоколад и пирожки, отделяет от официанта настоящая

² Среди первых дирижеров — знаменитый Иоганн Штраус.

³ Не случайно только «первая скрипка» удостоивается от имени оркестра чести публичного рукопожатия со стороны самого ДИРИЖЕРА (если он, конечно, растроган виртуозной игрой музыкантов).

социальная пропасть. Разносчику стать официантом — это упоительная «звездная» карьера, это все равно, что в одночасье неостепененному ассистенту превратиться в доцента. Но еще большее расстояние отделяет официанта от шеф-повара.

Уникальность экономической организации коллектива вагона-ресторана в том, что там различия между работниками носят преимущественно произвольный, волюнтаристский, субъективный характер, так как различие в профессиональной квалификации (если таковая вообще есть) в таких трудовых коллективах минимальна.

Царствование шеф-повара основывается на его единоличном решении — кому кем быть: кто пойдет «разносчиком», звякая тележкой в межвагонных переходах и отбиваясь от притомившихся пассажиров, а кто станет официантом, обирая под романтический перестук колес подвыпивших посетителей ресторана.

Дополнительный, так сказать, гендерный момент данного малого экономического института состоит в том, что шеф-повар вагона-ресторана — обычно мужчина, а коллектив почти на сто процентов — женский.

Шеф-повар сам набирает работников. Ему надо понравиться. Никаких других оснований для попадания в вагон-ресторан не существует. И это самый важный организационный момент, отражающий уникальную специфику формирования именно этого малого института.

Наконец, как это давно привычно в нашей стране, зарплата здесь носит символический характер. Но толпы жаждущих устроиться именно сюда, в малодоходное и путешествующее по расписанию учреждение, — почему? Теневой, неучтенный приработок?

Кафедра: завкафедрой и его команда

Завкафедрой — уж точно самый мелкий монарх на свете: он определяет состав кафедры, распределяет нагрузку, направляет в командировку и на повышение квалификации.

Коллектив вузовской кафедры — специализированное сообщество интеллектуалов, разъедаемое тщеславием, амбициями, завистью, честолюбием, но вынужденно объединяемое необходимостью выживания, — занимает уникальное место среди малых социальных институтов.

Здесь монарх называется «завкафедрой», и многое зависит от того, кто уселся на это место. Потайная история каждой кафедры определяется светлыми и темными полосами и в прошлом, так сказать «дозаведовском» периоде жизни «завкафедрой», и тайна сия велика есть.

Стандартная технология управления кафедрой несложна — надо иметь информаторов, надо уметь «приближать» и желательно иметь «негативного субъекта» (в советское время имевшего четкое обозначение — «враг»). Вот в борьбе с ним и объединяется коллектив, и каждый проверяется на искренность доброжелательного отношения к заведующему.

Соотношение сил между заведующим и коллективом кафедры зависит от реальности академических свобод: если в чести администрирование, то кафедра превращается во «взвод», которым удобно командовать, но интеллектуальная рентабельность приближается к нулю.

Сейчас заведующие кафедрами приобретают статус профессиональных менеджеров, задача которых понукать «преподов» к интеллектуальной активности и турзучить их во исполнение бессмыслиц внутривузовской администрации, многие представители которой ни разу не были в аудитории.

Посмотрим, чем завершится эксперимент. Вполне возможно, что кафедра как малый социальный институт скоро исчезнет...

Малым экономическим институтам несть числа: команда корабля во главе с капитаном (чей приказ непрекословен), бригада докеров (судьба которых зависит от стивидора), преподаватели школы (для которых демиург воплощен в ее директоре), коллектив продавцов (для которого зигзаги судьбы персонафицированы в завмаге), вагаги современных «офеней» (реализующих завлекательную мелочевку зазевавшимся пассажирам), цирковые артисты (зарабатывающие аплодисментов больше, чем денег)...

Да, мы окружены малыми социальными институтами, сами в них состоим, а нередко ими вообще исчерпывается наш социум.

Нам же, обществоведам, малые экономические институты особенно милы тем, что именно они образуют жизненную среду экономики гражданского общества. И ЗА ЭТУ «ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» ИМ — ОСОБОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СПАСИБО» И ПОВЫШЕННОЕ ВНИМАНИЕ СО СТОРОНЫ ЭКОНОМИСТОВ!